

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20180401
УДК 930(571.1/5)"1850/1917"

Д.А. АНАНЬЕВ

АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОРИКИ О ПРОБЛЕМАХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируются основные работы современных англо-американских и немецких авторов, посвященные различным сюжетам истории общественно-политического развития Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. Это эволюция идеологии и деятельность представителей сибирского «областничества»; история протестного движения; общественно-политические процессы в регионе в годы Первой русской революции и межреволюционный период и др. Показан вклад западных исследователей в разработку данной темы: прежде всего более объективное освещение роли представителей различных общественных движений и политических партий в революционных событиях начала XX в. Особое внимание уделяется концепциям, связанным с «культурным» и «пространственным поворотом» (С. Штух) в историографии, «новой имперской историей» (Д. Рэйнбоу) и др.

Ключевые слова: западная историография, история Сибири, сибирское областничество, Первая русская революция 1905–1907 гг.

D.A. ANANYEV

ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE SCHOLARSHIP ON THE PROBLEMS OF SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT OF SIBERIA AND FAR EAST IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Over the decades, the Western scholars (mostly representatives of English- and German-language historiography) have been attempting to clarify the issue of possible alternative development of the Russian state and society during the pre-revolutionary period; to determine the causes of the collapse of monarchy and to identify factors that eventually led to the Bolsheviks' rise to power. While focusing on the events in European Russia, Western historians have just recently turned to studying the social-political processes in the Asian periphery of the empire. The objective of the paper is to analyze the major works of Western authors on the history of social and political development of Siberia and the Russian Far East in the second half of the XIX – early XX centuries and to evaluate their contribution to the study of this topic. The paper shows that their research covers a wide range of issues, such as: the evolution of ideas and activities of members of the Siberian regionalist movement (S. Watrous, D. von Mohrenschildt, W. Foust et al.); the history of protest movement (M. Melancon, H. Reichman, D. Wolff); social and political processes in the region during the Russian Revolution of 1905 (E.-M. Stolberg, A. Wood, D. Dahlmann) and inter-revolutionary period (R. Snow et al.). The researchers draw on the theories of "frontier" (S. Watrous, E.-M. Stolberg et al.), "regionalism" (W. Faust) and "modernization" (D. Dahlmann), in the last decades – concepts relating

Денис Анатольевич Ананьев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: denis.ananyev@gmail.com

Denis A. Ananyev – candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

to the “cultural and spatial turns” (S. Stuch) in historical science, “new imperial history” (D. Rainbow). The author proves that Western scholars specified and revised some conclusions of the Soviet historiography, in particular – better assessed the role of members of various social movements and political parties in the revolutionary events in the early XX century.

Key words: Western historiography, history of Siberia, Siberian regionalism, the Russian Revolution of 1905.

На Западе проблемам общественно-политического развития России в позднеимперский период посвящена обширная литература [1; 2], что объясняется устойчивым стремлением нескольких поколений исследователей (прежде всего, представителей англо- и германоязычной историографии) прояснить вопрос о возможных альтернативах развития Российского государства и общества в предреволюционные десятилетия, установить причины крушения монархии и определить факторы, в конечном счете обусловившие приход к власти большевиков.

Уделяя основное внимание событиям, происходившим в центральных регионах России, западные историки лишь сравнительно недавно обратились к изучению общественно-политических процессов на окраинах империи, в том числе в Азиатской России. Цель настоящей статьи – проанализировать основные работы современных англо-американских и немецких авторов, посвященные истории общественно-политического развития Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в., и оценить их вклад в изучение темы.

Значительный интерес для западных сибиреведов представляет история «сибирского областничества» – общественно-политического и культурного движения, сторонники которого добивались для своего родного края прав, свобод и возможностей, которыми пользовалось население Европейской России и, вместе с тем, отстаивали идею автономного развития Сибири с учетом ее географических, социально-экономических и культурных особенностей.

В 1970 г. к изучению проблем «сибирского регионализма» обратился американский историк С.Д. Уотрус, который впервые в англоязычной историографии достаточно подробно осветил жизненный путь ведущих областников – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Историк пришел к выводу, что их деятельность, как и идея «сибирского регионального сознания», более, чем любой другой фактор, способствовала «пробуждению» сибирского общества и восприятию им ценностей и взглядов эпохи «модерна», хотя к концу XIX в., после смерти Н.М. Ядринцева, областничество по форме и содержанию уже не было доминирующим интеллектуальным течением среди местной интеллигенции. Как оказалось, влияние идей и институтов, изначально породивших областническое движение, изменило общественную и городскую жизнь Сибири в значительно большей степени, чем поначалу ожидали лидеры областничества [3].

В 1970-х гг. американские историки Г. Хэнсон [4, 5] и Д. фон Мореншильдт [6] в серии публикаций попытались прояснить характер взаимоотношений членов сибирского землячества с А.П. Щаповым. В част-

ности, Д. фон Мореншильдт писал о необходимости более тщательного изучения эволюции общественно-политических взглядов А.П. Щапова, который, выступая против излишней централизации, нерационального использования природных богатств Сибири, а также указывая на необходимость решения сибирских проблем в самом регионе, все же никогда не выдвигал лозунг о его отделении от России.

В Германии центром изучения сибирского областничества стал Кельнский университет. В 1962 г. диссертацию, посвященную научному наследию А.П. Щапова, здесь защитил Й. Вахендорф [7]. В условиях возросшего интереса европейской общественности к проблемам регионализма другой выпускник университета В. Фауст исследовал историю сибирского областничества во второй половине XIX в. [8]. В отличие от Д. Уотруса, не имевшего доступа к западносибирской периодике второй половины XIX в., В. Фауст использовал более широкий круг источников, в том числе многочисленные публикации «областников» в сибирских газетах.

В. Фауст показал, что без изучения истории «областничества» трудно понять историю «модернизации» и «европеизации» (по сути, «колонизации») Сибири. Он полагает, что именно идея «сибирского патриотизма» сыграла решающую роль в культурной, политической и экономической интеграции региона в общеимперское пространство, поскольку способствовала преодолению «колониального прошлого»; впервые вызвала в сибирской общественности горячее желание во всем сравняться с «метрополией»; создала предпосылки для действительного вступления Сибири в Новое время и заложила основы будущего мирового значения региона.

С. Штух посвятил свою диссертацию следующему по хронологии периоду истории сибирского областничества – началу XX в. В его представлении, формирование «регионального сознания» и возможности региональной «идентификации» в указанный период определялись, в первую очередь, общим стремлением местной интеллигенции уравнивать сибирскую окраину в правах с регионами Европейской России, тогда как географические особенности и культурно-этническое многообразие населения имели меньшее значение [9].

Американский историк Д. Рэйнбоу защитил в 2013 г. в Университете Нью-Йорка диссертацию на тему «Сибирские патриоты: партиципаторная автократия и Российское имперское государство, 1858–1920». Его работа стала первым на Западе обобщающим исследованием, посвященным всему периоду существования областнического движения. Следуя в русле историографии «новой имперской истории», автор основное внимание уделяет проблеме взаимо-

отношений «областников» (которых он предпочитает называть «сибирскими патриотами») с имперской властью в Сибири. Как отмечает Д. Рэйнбоу, областники, отчасти вдохновленные колониальным опытом в обеих Америках, Индии и Австралии, трудились во имя «развития» и «прогресса» в Сибири, стремясь сделать ее более независимой от остальных частей империи. В течение рассматриваемого периода это движение претерпело радикальную трансформацию: если в 1860-х гг. областников можно было охарактеризовать как «сепаратистов», то после 1917 г. они превратились в «государственников», боровшихся за территориальное единство империи в войне против большевиков [10].

Канадский историк Норман Перейра подробно остановился на участии областников в общественно-политических процессах периода Первой русской революции 1905–1907 гг. [11]. По его мнению, революция естественным образом стимулировала новый подъем областнического движения. В конце августа 1905 г. в Томске состоялся съезд Сибирского областного союза, на котором был принят программный документ – «Основные положения Сибирского областного союза», подчеркивавший право региона на самоуправление. Многие участники съезда выражали озабоченность по поводу того, что областническое движение не имело широкой поддержки в народе, его главной опорой оставалась местная интеллигенция. Г.Н. Потанин признавал, что идея Сибирской Областной Думы была по-прежнему чужда сибирскому крестьянству, хотя П.М. Головачев настаивал, что почти все сибиряки были областниками по своей сути. По мнению Н. Перейры, слабость областников была очевидна и правительству; революция не изменила баланс сил в регионе, который даже не был должным образом представлен в Государственной Думе.

Общественно-политические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Первой русской революции и межреволюционный период анализируются в обобщающих исследованиях Э.-М. Столберг [12], А. Вуда [13], Д. Дальмана [14]. Немецкая исследовательница Э.-М. Столберг среди важнейших причин революции 1905–1907 гг. называет неудачный ход войны с Японией, что имело особое значение для развития ситуации на восточных окраинах империи. По ее словам, начало войны не вызвало в регионе ни эйфории, ни патриотического подъема, к тому же большинство населения рассчитывало на ее скорое завершение. Со временем обстановка в сибирском тылу начала ухудшаться, чему способствовали нехватка продуктов, инфляция, рост преступности; мобилизация и отправка войск из Сибири на Дальний Восток (ввиду предполагаемого нападения японцев на Приморье); агитация, которую вели «политические радикалы» – ссыльные социал-демократы (первые марксистские кружки в Сибири возникли еще в конце 1890-х гг.).

Признавая, что в Сибири организации политических партий пользовались заметной поддержкой со стороны местного населения, Э.-М. Столберг пишет

о союзе кадетов и части предпринимательских кругов, разделявших идеи сибирской автономии и учреждения земства; отмечает, что большевики пользовались авторитетом среди железнодорожных рабочих, а меньшевики – среди студенчества, ремесленников и печатников (при этом автор сообщает о малочисленности социал-демократов и их слабом взаимодействии с центральными партийными органами).

Постепенно ситуация становилась все более взрывоопасной, на что указывали в своих сообщениях и местные власти, и региональная печать. События 9 января 1905 г. в столице вызвали волну забастовок в регионе (которые Э.-М. Столберг призывает рассматривать в одном ряду с забастовками строителей Транссиба в конце XIX в. и Ленскими событиями 1912 г.). В то же время она замечает, что в отличие от социал-демократов, выступавших с политическими лозунгами прекращения войны и свержения самодержавия, рабочие в основном выступали с экономическими требованиями (повышения зарплат, введения 8-часового рабочего дня и т.п.).

По определению Э.-М. Столберг, к концу 1905 г. крушение гражданского и военного авторитета самодержавия на «диком Востоке» России стало очевидным. Местные власти, не получавшие из центра ни внятных инструкций, ни своевременной поддержки, были готовы пойти на уступки (как, например, иркутский генерал-губернатор П.И. Кутайсов, после издания Октябрьского манифеста объявивший о свободе слова, прессы и собраний). Однако правительство вскоре ответило на действия восставших отправкой карательных экспедиций и расправами, которые, по мнению Э.М. Столберг, «в психологических условиях войны и социального конфликта проявились, скорее, как факторы, стимулировавшие насилие, а не смягчавшие его». В свою очередь, консервативно настроенные городские низы также были заняты поиском виновных, что привело к серии погромов, направленных, прежде всего, против «чужаков» – евреев, поляков, выходцев с Кавказа, китайцев.

Главным «горючим материалом» для социального взрыва в Сибири и на Дальнем Востоке немецкая исследовательница считает «солдатскую массу». Самодержавие не смогло использовать измотанных войной солдат для подавления беспорядков – тому препятствовало угнетенное моральное состояние и тяжелое материальное положение фронтовиков, а также неспособность властей организовать их своевременную отправку с Маньчжурского театра военных действий (прежде всего, из-за начавшейся забастовки железнодорожников). Хотя в ряде городов военнослужащие поддерживали бастующих и отказывались стрелять в гражданское население, это, по мнению Э.-М. Столберг, никоим образом не означало, что основная масса солдат солидаризировалась с революционным движением. На «внутреннем фронте» большинство из них демонстрировали явное нежелание занимать чью-либо сторону. Бунт во Владивостоке 30–31 октября 1905 г. наиболее ярко проде-

монстрировал действительные настроения «праздных и бахвалящихся» военнослужащих.

Британский историк А. Вуд полагает, что социальный конфликт в Сибири приобрел более жесткий характер, чем в центральных регионах империи. Негодование народных масс, вызванное внешнеполитическими авантюрами правительства и действиями коррумпированных местных властей, привело к созданию органов самоуправления – Советов. Для самодержавия Сибирь оказалась одним из наиболее опасных регионов, который не был умиротворен даже после издания Октябрьского манифеста 1905 г. Подавить беспорядки удалось лишь с помощью лояльных войск и карательных экспедиций И.И. Меллер-Закомельского и П.К. Реннекампа.

Ключевую роль в революционных событиях за Уралом А. Вуд также отводит железнодорожным рабочим, восприимчивым к агитации политических ссыльных, и восставшим солдатам. Вместе с тем, историк (основываясь на данных новосибирских исследователей, опубликованных в середине 1980-х гг. [15]), полагает, что не следует недооценивать степень недовольства сибирских крестьян, продемонстрировавших свое отрицательное отношение к режиму серией аграрных волнений.

В отличие от А. Вуда, немецкий историк Д. Дальманн не склонен преувеличивать меру активности сибирских крестьян в период революции, что, по его мнению, отличало Сибирь от большинства регионов Европейской России. За Уралом исключение составляли те регионы, в которых позиции общин были более прочными, а экономическая ситуация менее благоприятной, как, например, на Алтае, в Забайкалье, в Енисейской губернии.

В отличие от Э.-М. Столберг и А. Вуда, Д. Дальманн полагает, что в целом в Сибири беспорядки не достигли той силы, как, например, на Кавказе и в Европейской России, хотя развернувшиеся на рубеже веков процессы индустриализации и модернизации заметно поколебали существующее в регионе социальное, экономическое и политическое положение. О нарастающих противоречиях свидетельствовали начавшееся еще в 1890-х гг. забастовочное движение, крестьянские выступления, общий рост оппозиционных настроений.

В представлении Д. Дальманна, особенностью Сибири были более низкие темпы урбанизации и уровень грамотности, более заметные различия между городом и деревней, а также крайне немногочисленный пролетариат. Вместе с тем, именно рабочие (прежде всего, железнодорожники), поддержанные военнослужащими, стали ведущей силой в революционном процессе (как и в Европейской России), хотя образованные ими Советы рабочих и солдатских депутатов были не столь влиятельны, как в Москве и Санкт-Петербурге. Историк признает, что большую роль в революционных событиях сыграли политические радикалы – эсеры и эсдеки (замечая при этом, что вплоть до революции 1917 г. деление сибирских социал-демо-

кратов на большевиков и меньшевиков следует признать достаточно условным).

После издания октябрьского манифеста по всей стране, в том числе в Сибири, революционное движение пошло на спад, за исключением ряда городов (Красноярск, Чита, Владивосток), где произошли серьезные беспорядки. Одним из достижений революции Д. Дальманн считает возникновение и развитие в России парламентаризма (пусть и в рудиментарной форме), для характеристики которого использует термин «псевдоконституционализм», предложенный в свое время М. Вебером. В Государственной Думе Сибирь представляли депутаты, избранные из рядов буржуазной оппозиции и социалистических партий, что, по мнению Д. Дальманна, лишний раз подчеркивало дистанцию между центром и сибирской окраиной.

Участие железнодорожных рабочих Транссиба и солдат железнодорожных батальонов в революционных событиях за Уралом более обстоятельно рассмотрено в трудах американских историков Г. Райхмана [16] и Д. Вольфа [17]. По мнению Г. Райхмана, своеобразие забастовочного движения на Транссибирской магистрали определялось «полуфронтирным» характером и относительно низким уровнем развития региона (чью инфраструктуру исследователь характеризует как «примитивную»), а также ходом мобилизации и демобилизации войск (Г. Райхман замечает, что когда восставшие солдаты начали возвращаться с Дальнего Востока, главной задачей бастующих железнодорожников являлось не прекращение, а продолжение работы магистрали). К концу декабря 1905 г., когда Сибирь находилась под властью железнодорожных рабочих, с одной стороны, и восставших солдат – с другой, нетрудно было предположить, что обе группы начнут сотрудничать друг с другом.

«Катализаторами» или «посредниками» такого сотрудничества стали железнодорожные войска, послужившие объектом специального исследования Д. Вольфа. В отличие от советских историков, обычно не акцентировавших внимание на той роли, которую играли в революционных событиях железнодорожные бригады и батальоны, и предпочитавших изучать более явные примеры «классовой и профессиональной солидарности», Д. Вольф утверждает, что «гибридные» военно-гражданские подразделения представляют не меньший интерес. «Дуалистический» характер железнодорожных войск позволял им обеспечивать «каналы коммуникации» между войсками и восставшими рабочими, а также гражданским населением в целом.

Вместе с тем исследователь пытается ответить на вопрос, почему одни железнодорожные подразделения поддерживали восставших, а другие остались на стороне официальных властей, как, например, военнослужащие Заамурской железнодорожной бригады, части которой были сосредоточены в Маньчжурии. По мнению Д. Вольфа, позиция начальника бригады Д.Л. Хорвата, а также близость фронта в немалой степени способ-

ствовали поддержанию воинской дисциплины и лояльного отношения солдат к властям. По мере удаления от фронта дисциплина в войсках падала, о чем свидетельствовали примеры 2-го резервного железнодорожного батальона в Красноярске и 3-го резервного железнодорожного батальона в Чите. Солдаты этих батальонов активно поддерживали революционные организации, возглавившие так называемые Читинскую и Красноярскую республики в конце 1905 г. В январе 1906 г. в волнениях во Владивостоке участвовали солдаты Уссурийской железнодорожной бригады.

Вслед за Дж. Бушнеллом [18] Д. Вольф готов признать, что «технические подразделения» (например, понтонные, саперные или железнодорожные), по-видимому, были особенно уязвимы для революционной пропаганды, поскольку в годы Первой русской революции на их долю приходилось более 50 % всех волнений в армии. Историк приходит к выводу, что хотя железнодорожные бригады в свое время возникли как «инновационный компромисс» между гражданскими и военными властями, непредвиденные последствия такого организационного решения лишний раз продемонстрировали опасности и риски экспериментов в сфере «социальной инженерии».

Для первых послереволюционных лет исследователи отмечают спад забастовочного движения в регионе. Переломным событием стал Ленский расстрел 1912 г. – по мнению западных историков, это был такой же поворотный момент в русской истории, каким в свое время стало «кровавое воскресенье». События на Ленских приисках послужили предметом специального исследования, которое предпринял М. Меланкон [19].

Основываясь на широком круге источников (в том числе архивных материалах из ГАРФ, Института Гувера и др.), американский историк подробно излагает историю золотодобычи и забастовочного движения на Ленских приисках; характеризует материальное положение рабочих и условия их труда (в частности, приводит данные о том, что на работу в «Лензото» в основном нанимались крестьяне, приехавшие из Европейской России и попадавшие, как и члены их семей, в полную зависимость от руководства компании); реконструирует предысторию и ход Ленских событий 1912 г., выясняет причины и последствия забастовки.

М. Меланкон подчеркивает, что забастовка была спонтанной и носила экономический характер, несмотря на попытки руководства «Лензото» назвать ее политической, указав в качестве доказательства на наличие забастовочного комитета (к созданию которого в свое время призывало само руководство компании). Американский историк признает определенное влияние представителей социалистических партий (в первую очередь, эсеров, но не большевиков) на бастующих рабочих, однако приходит к выводу, что их влияние не было значительным, поскольку призывы политических ссыльных прекратить забастовку и предотвратить тем самым трагическую развязку не были услышаны.

Главной причиной трагедии историк считает действия руководства компании и представителей власти. Правительство оказалось не в состоянии защитить рабочих, но при этом не позволяло им самим защищать себя, тем более с помощью представителей политических партий. Расправы над ленскими рабочими в 1912 г. (как и над костромскими и иваново-вознесенскими в 1915 г.) разрушили остатки общественного консенсуса, возникшего после 1905 г., и заставили крестьянство и большую часть образованного общества отвернуться от самодержавия и крупной буржуазии, ставших, по словам историка, такими «странными союзниками» в позднимперский период.

Общественно-политическую ситуацию в Сибири накануне Февральской революции проанализировал в своей монографии (1978) американский историк Р. Сноу [20]. В вступительном разделе его книги освещена деятельность сибирских большевиков в предреволюционный период, главным образом во время Первой мировой войны. Главной своей задачей Р. Сноу полагал опровержение утверждения советской историографии о том, что В.И. Ленин и ЦК РСДРП осуществляли непрерывное руководство действиями большевиков за Уралом. По словам Р. Сноу, сибирские большевики, используя партийную философию и директивы ЦК только тогда, когда им это было удобно, умело адаптировали свою стратегию и тактику к конкретным ситуациям и обстоятельствам. Многие из них не считали себя «ленинцами», при необходимости шли на сближение с меньшевиками и эсерами, подчиняя идеологические различия целям практической революционной работы.

По определению Р. Сноу, к 1914 г. социал-демократы в Сибири бездействовали, но «война оживила русскую социал-демократию и превратила ее в русский коммунизм». В Сибирь вернулась подпольная работа, поскольку призыв политических ссыльных на военную службу облегчил им возможности для передвижения с целью политической агитации, которая становилась все более эффективной по мере ухудшения ситуации. Объединение социал-демократов (большевиков и меньшевиков) происходило на основе принципов «сибирского циммервальдизма», сторонники которого призывали избегать крайностей позиций общественного патриотизма (по сути, оборончества), с одной стороны, и поражения – с другой; не поддерживать войну и участие в работе военно-промышленных комитетов и в целом не содействовать интересам буржуазной революции, жертвуя интересами мировой социалистической революции.

На этой основе складывалась широкая антивоенная коалиция социалистов, создавших несколько подпольных организаций – «Союз сибирских рабочих», «Военно-социалистический союз» и др. Дополнительные возможности для пропаганды своих взглядов социалисты получали благодаря работе в легальных организациях – кооперативах, профсоюзах и др. Власти отвечали арестами, разгромами типографий и т. п., но,

по признанию Р. Сноу, их реакция была запоздалой, а размах репрессий невелик.

В мемуарах большевиков, опубликованных в советский период, подчеркивалась ведущая роль их авторов в революционной деятельности на местах до 1917 г., при этом ими целенаправленно замалчивался действительный масштаб сотрудничества с меньшевиками и эсерами, которое облегчалось благодаря прочным личным связям, сложившимся в условиях политической ссылки. Вместе с тем, по заключению Р. Сноу, от недолгой деятельности подпольных организаций социалистов более других выиграли именно большевики, установившие контакт с солдатами — вчерашними крестьянами, и заручившиеся доверием и поддержкой рабочих в городах. Все эти действия позволили им после Февральской революции оказаться на авансцене общественно-политической жизни.

Таким образом, западные историки осветили широкий круг вопросов, связанных с историей общественно-политического развития Азиатской России во второй половине XIX — начале XX в., а именно: эволюция идеологии и деятельности представителей сибирского «областничества»; история протестного движения; общественно-политические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Первой русской революции и межреволюционный период и др. Авторы исследований опирались на теории «фронта», «регионализма», «модернизации», в последние десятилетия — на концепции, связанные с «культурным» и «пространственным поворотом» в историографии, «новой имперской историей».

Признавая приоритет в изучении указанной темы за советскими и российскими историками, англо- и германоязычные исследователи стремились уточнить ряд положений и выводов отечественной историографии, в частности, более объективно осветить роль представителей различных общественных движений и политических партий в революционных событиях начала XX в. Как представляется, суждения западных историков заслуживают внимания со стороны российских специалистов, особенно на фоне характерного для последних десятилетий снижения интереса к истории протестного движения в дореволюционной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Любичанковский С.В. Состояние власти позднимперской России в оценке англо-американской историографии 2-й пол. XX — начала XXI в. // Известия Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2007. Т. 9, № 2, С. 342–347.
2. Макаров Н. Российская империя в Первой мировой войне: современная англо-американская историография // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 36–49.
3. Watrous S.D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819 – 1894: PhD. thesis. Seattle: University of Washington, 1970.
4. Hanson G.A. Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker: PhD thesis. University of Wisconsin, 1971.
5. Hanson G.A. Siberian Regionalism in the 1860s // Topic. 1974. Vol. 27. P. 62–75.
6. Mohrenschildt D., von. Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History // The Russian Review. 1978. Vol. 37, N 4 (Oct.). P. 387–404.
7. Wachendorf J. Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A.P. Schchapov. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Universität zu Köln. 1964. 216 S.
8. Faust W. Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Köln; Wien, 1980. 683 S.
9. Stuch S. Regionalismus in Sibirien im frühen 20. Jahrhundert. Köln, 2003. 353 S.
10. Rainbow D. Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013. 404 p.
11. Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1988. Vol. 30, N 1 (March). P. 112–133.
12. Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands “Wilder Osten”. Mythos und Soziale Realität im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009. 420 S.
13. Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011.
14. Dahlmann D. Sibirien: Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart Gebundenes Buch. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2009. 435 S.
15. Крестьянское движение в Сибири: 1861–1917 гг. хроника и историография. Новосибирск, 1985.
16. Reichman H. The 1905 Revolution on the Siberian Railroad // The Russian Review. 1988. Vol. 47. P. 25–48.
17. Wolff D. Between War and Revolution: Railway Brigades in Siberia, 1905–1907 // Russian History. 1996. Vol. 23. N 1/4; Labor, Thought and Society in Russia and the Soviet Union: [SPRING–SUMMER–FALL–WINTER], 1996. P. 95–114.
18. Bushnell J. Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906. Bloomington: Indian University Press, 1985. 334 p.
19. Melancon M. The Lena Goldfields Massacre and the Crisis of the Late Tsarist State. (Eugenia and Hugh M. Stewart 26 Series on Eastern Europe.) College Station: Texas A&M University Press. 2006. 238 p.
20. Snow R.E. The Bolsheviks in Siberia, 1917–1918. Rutherford, Madison, Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 1977. 269 p.

REFERENCES

1. Lyubichanovskiy S.V. The State of Government in the Late Imperial Russia as Evaluated by the Anglo-American Historiography in the Second Half of the 19 – Early 20 century. *Izvestiya Samarskogo nauch. tsentra. Ros.Akad.nauk.* 2007, vol. 9, no. 2, pp. 342–347. (In Russ.)
2. Makarov N. The Russian Empire in the First World War: contemporary Anglo-American historiography. *Voprosy istorii.* 2014, no. 5, pp. 36–49. (In Russ.)
3. Watrous S.D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819 – 1894: PhD. thesis. University of Washington. Seattle, 1970. 774 p.
4. Hanson G.A. Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker: PhD thesis. University of Wisconsin, 1971. 716 p.
5. Hanson G.A. Siberian Regionalism in the 1860s. *Topic.* 1974, vol. 27, pp. 62–75.
6. Mohrenschildt D., von. Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History. *The Russian Review.* 1978, vol. 37, no. 4 (Oct.), pp. 387–404.

7. Wachendorf J. Regionalism, Schism and People as Main Problems of the Russian History as Viewed by A.P.Shchapov. Ph.D. Dissertation. University of Cologne, 1964, 216 p. (in Germ.)
8. Faust W. Russia's Golden Land: the Siberian Regionalism in the Second Half of the 19th Century. Cologne, Wien, 1980, 683 p.
9. Stuch S. Regionalism in Siberia in the early 20 century. Cologne, 2003, 353 p.
10. Rainbow D. Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013, 404 p.
11. Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917. *Canadian Slavonic Papers*. 1988, vol. 30, no. 1, (March), pp. 112–133.
12. Stolberg E.-M. Siberia: Russia's "Wild East". Myths and Social Reality in the 19th and 20 Centuries. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009, 420 p.
13. Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011, 272 p.
14. Dahlmann D. Siberia: from the 16th Century to the Present. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2009, 435 p.
15. Krestyanskoye dvizheniye v Sibiri: 1861–1917, khronika i istoriografiya. [Peasant Movement in Siberia: 1861–1917. Chronicle and historiography]. Novosibirsk, 1985, 331 p. (In Russ.)
16. Reichman H. The 1905 Revolution on the Siberian Railroad. *The Russian Review*. 1988, vol. 47, pp. 25–48.
17. Wolff D. Between War and Revolution: Railway Brigades in Siberia, 1905–1907. *Russian History*. 1996, vol. 23, no. 1/4. Labor, Thought and Society in Russia and the Soviet Union: [SPRING–SUMMER–FALL–WINTER], pp. 95–114.
18. Bushnell J. Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906. Bloomington: Indian University Press, 1985, 334 p.
19. Melancon M. The Lena Goldfields Massacre and the Crisis of the Late Tsarist State. (Eugenia and Hugh M. Stewart 26 Series on Eastern Europe.) College Station: Texas A&M University Press, 2006, 238 p.
20. Snow R.E. The Bolsheviks in Siberia, 1917–1918. Rutherford, Madison, Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 1977, 269 p.

Статья принята
редакцией 4.09.2018